

Николай ЛЕСКОВ:

«Я с народом был свой человек...»

**Алексей
КОНДРАТЕНКО,**

кандидат
политических наук

Повторяя привычную фразу «Орёл — город Тургенева, Бунина, Лескова...», мы редко задумываемся о её глубинном значении. Взять того же Лескова! Мы, действительно, живём на родине этого уникального художника слова и в любой день, час можем ощутить то живое, природное и духовное поле, которое сформировало душу и характер русского классика.

Странно видеть признание истинного орловца Лескова: «Меня в литературе считают «орловцем», но в Орле я только родился и провёл детские годы, а затем в 1849 г. переехал в Киев». На мой взгляд, это говорил не он, а его стремление отгородиться от «орловской школы», подчеркнуть свой особый путь. Впрочем, Лескову и не надо было подчёркивать свою особость. Его вообще трудно упрекнуть в стремлении к подражанию, в «книжности», в перенимании чужей-то творческой манеры. Он сам создал свой стиль, отголоски которого потом мы нередко встречаем у других русских писателей.

Истоки его судьбы и творчества — Орловщина. Он сохранил и передал её дух, её душу: «Я выдумываю тяжело и трудно, и потому я всегда нуждался в живых лицах, которые могли меня заинтересовать своим духовным содержанием». Именно на Орловщине началось формирование Лескова как человека одухотворённого: «религиозность во мне была с детства, и притом довольно счастливая, то есть такая, которая рано начала во мне мирить веру с рассудком». Бабушка брала маленького внука в своих поездках и хождениях по монастырям, его наставником в Орловской гимназии был отец Ефимий Остроумовский — «хороший друг моего отца

и всех нас, детей, которых он умел научить любить правду и милосердие».

Молодого Лескова, входящего в литературный и журналистский мир, принимали как знатока провинции, человека бывалого. Но его совсем не устраивала роль этакого затейливого рассказчика местечковых анекдотов. Он с немотивированной яростью бросал в лицо публике свои признания:

«Я смело, даже, может быть, дерзко, думаю, что я знаю русского человека в самую его глубь, и не ставлю себе это ни в какую заслугу. Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе на гостомельском выгоне с казанком в руке, я спал с ним на росистой траве ночного, под тёплым овчинным тулупом, да на замашной панинской толчее за кругами пыльных замашек, а так мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги. Я с народом был свой человек, и у меня есть в нём много кумовьёв и приятелей, особенно на Гостомле, где живут бородачи, которых я, стоя на своих детских коленях, в оные, бывлые времена отмаливал своими детскими слезами от палок и розог».

Да, именно там, на микроскопическом Панинском хуторе, на болотистой речушке Гостомле, отец Лескова, звавшийся дворянином и помещиком, силой заставлял крестьян посещать церковь, сам ходил сеять. Вот, кажется, идеальная картина: отец сеет, а любознательный сын знает себе, набирается впечатлений, запоминает, чтобы потом поведать миру. В жизни всё было далеко от идиллии. Девятилетний Лесков увидел страшные сцены голодных времён, а затем и смерть отца. Не сумел окончить гимназии, пошёл в Орле на низшую должность судейского писца и увидел изнанку жизни. И ещё успел в эти считанные годы вкусить сладкую чашу молодых орловских утех...

Везде, буквально во всех его рассказах и очерках оказались разбросаны крупницы неистребимых воспоминаний об Орловщине (сын Андрей вспоминал, что во время воскресных прогулок отец непременно

рассказывал о родных местах, о детстве). «Путеводные колокольчики родины» звучали негромко, но всегда были узнаваемы... Доходило до курьёзов. Узнав, к примеру, о том, что есть планы заселения некоторых пустующих балтийских островов русскими людьми, Лесков тут же заметил, что земля здесь «по меньшей мере не хуже сухого, лубянистого суглинка надочного ската в Орловской губернии, где сельских людей одолевает теснота и голодовка».

А вот другая фраза, ставшая едва ли не гимном нашего города, но почему-то всегда стыдливо усекаемая гордыми за свою родину орловцами: «В Орле, в этом странном «прогорелом» городе, который вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу родины никакой другой русский город...» Вслушайтесь: Лесков, несмотря на всю иронию в адрес «многострадального Орла», полон гордости за свою странную родину, которая горела, да не сгорела, зато подняла такие таланты...

Лесков не только большой русский писатель. Традиционные издания его избранной прозы, собрания сочинений зачастую не показывали читателям всего противоречивого облика Лескова. Ведь он был ещё и очеркист, публицист (кстати, публицист трёх столиц — Петербурга, Москвы, Киева), мастер малого жанра во всех его ипостасях. В ранние годы подписывался под язвительными, но достаточно интересными и основательными публикациями «Фрейшиц» — вольный стрелок. В посмертной статье о Лескове, напечатанной в журнале «Северный вестник», были опубликованы редкие по своей ёмкости строки: «Умный и темпераментный старик с колючими чёрными глазами, с душою сложною и причудливою... Полный бунтующих страстей. Беспokoйного, придиричвого и сильного разума. Он никогда не знал душевного или умственного успокоения. Он громил старое, отживающее и высмеивал новое, не дожидаясь, чтобы оно принесло свои плоды, не снисходя к недостаткам, свойственным периоду брожения».

Мне вспоминается чудный зимний вечер в январе, наверное, в 1994 или 1995 году. Возвращаясь домой с железнодорожного вокзала, встретил на бульваре Победы в Орле Владимира Алексеевича Громова. И полчаса, может быть, больше слушал его рассказ о том, что занимало нашего знаменитого литературоведа, весь тот день проработавшего в госархиве. Владимир Алексеевич был воодушевлён:

— А вы знаете, что Лесков-публицист ещё совершенно не прочитан? Слава Богу, в Москве взялся за издание его 30-томного собрания сочинений... Сейчас я тоже участвую в этом деле. Много есть вопросов, не всегда возможно сразу определить ав-

торство в публикациях без подписи, но характерные лесковские интонации помогают почти с уверенностью делать это.

«Биржевые ведомости», «Вечерняя газета», «Русский мир», «Гражданин», духовная пресса — таким было обширное поле публицистики Лескова. И вскоре, в 1996 году, благодаря труду, в том числе и орловских исследователей творчества Лескова, вышел первый том Собрания сочинения. У первенца 30-томной серии оказался непривычно большой объём — более 900 страниц. Почти целиком книга состояла из газетных и журнальных публикаций 1859–1862 годов.

При чтении его публицистики иной раз могло показаться, что Лесков — прагматик на немецкий манер: «Рационально то, что ведёт к цели, что уместно и сообразно с временем и обстоятельствами. Никакая хозяйственная система не может быть признана рациональною для всех мест, а потому нужно оставить опыту решить, где что рационально».

И ещё. Лесков как будто предвосхищает Василия Ключевского, когда заявляет: «Не привыкли мы ничего делать миром, незнакомы нам великие успехи ассоциации; нам подавай правительство к нашим услугам, рать-силу великую — и баста».

Лесков сочувствует своим соотечественникам, размышляя о том, что у народа просто нет возможности пустить свои заработки в дело, а значит, нет и смысла сохранять их. И порой приходит к сакраментальной мысли: «Виноват сам народ» (очерк «Ходебщики по чужим делам и карманам», 1861).

Лесков был популярным публицистом «эпохи великих реформ», с которой много общих черт у нашего времени. Его отличало резкое неприятие официозной публицистики, вечное стремление вторгаться в злобу, зависть, в борьбу интересов.

Его талант полемиста, по-моему, был бы к стати в сегодняшней разноголосице (а чаще — в пустыне пустословия) прессы. Однако надо признать, что и сегодня строптивый Лесков был бы неугоден, «не вхож». Не случайно писатель века XX Даниил Андреев писал: «Таланты-вестники, как Лесков или Алексей Константинович Толстой, оставаясь изолированными единицами, они, так сказать, гребли против течения, не встречая среди современников ни должного понимания, ни справедливой оценки».

В книгах Лескова (по словам Чехова, он был «похож на изящного француза и в то же время на попа-растригу») — постоянная переключка с идеями русофилов, да к тому же земляков, ливенских уроженцев Фёдора Ростопчина и Николая Данилевского. В самом деле, что лучше — консерватизм или приверженность прогрессу? Основой прежнего крестьянского мира Руси была круговая порука, когда весь мир делился на своих и чужих. Ныне община (общак, клан, «семья») возродилась в искривлённом, искалеченном, уродливом состоянии. Прежде это был действительно мир (не антитеза войне, а мир как сообщество) с его жесточайшим обычаем, с верой в Бога. А нынче — раздраз, некое подобие армейской «дедовщины»...

Народ в книгах Лескова хотя и величественный богатырь, хранитель древнего духа, но неграмотный, забытый. Писатель не случайно так возвышает тульского мастера

Лешу, возводя его в ранг национального героя. Эту особенность подметил ещё Максим Горький: «Литературное творчество Лескова... становится яркой живописью или, скорее, иконописью, — он начинает создавать для России иконостас её святых и праведников. Он как бы поставил себе ободрить, воодушевить Русь, измученную рабством...»

Лесков писал Льву Толстому в 1893 году: «Умную старину я всегда любил и всегда думал, что её надо бы приподнять со дна, где её завалили хламом... Только надо, реставрируя старое, не подавать мыслей к уничтожению хорошего нового. Надо, чтобы этого ни за что не случилось и чтобы не было подано к тому соблазна».

Лесков, нередко поднимавший местное, диалектное слово на национальный простор, хорошо знал законы психологии языка. Вслушаемся в малоизвестный отрывок из его рассуждений:

«Во вкусе народном — если кто хочет это проверить, — самыми лучшими прозвищами почитаются прозвища «по страны» (то есть по стране), а «не от имени человека». Самое лучшее прозвание у нас идёт от края, от города, даже от села, вообще от местности: князь «черниговский», «одоевский», воевода «севский», «гадяцкий», «ломовецкий» барин, «воронецкий» поп, «рятяжевский» староста. Всё от «страны». Старому почётному «седуну» на месте название того места придается, и это есть почёт. От «ломовецкие барина» идут дети его, тоже «ломовецкие господа». И всех таких прозваний «по стране» нет для народного вкуса законнее и «степеннее». И слух народный на этот счёт удивительно разборчив».

Ухо Лескова было так чутко к прозвищам, к именам не случайно — ведь его бабушка, прозванная в соответствии со святцами «простонародным» именем Акилина, получила от родителей «благородное» Александра и с ним прожила всю жизнь. Истина же открылась только на панихиде...

Кажется, Лесков понимал «чрезмерность» своего знания нюансов народной жизни. В письме Суворину в 1886 году он признавался: «Прожив изрядное количество лет и много перечитав и много переглядев во всех концах России, я порою чувствую себя как «Микула Селянинович», которого «тяготила сила» знания родной земли, и нет тогда терпения сносить в молчании то, что подчас гордоят пишущие люди, оглядывающие Русь не с извозничьего «передка» (как мы езжали за 3 целковых из Орла в Киев), а «лётком летя», из вагона экстренного поезда. Всё у них мимолетом — и наблюдения, и опыты, и заметки»...

Лесков, взявший за правило «ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги», всё же был неисправимым романтиком. Но разве сам он, на первый взгляд неуживчивый спорщик, выглядит в связи с этим оторванным от земли мечтателем? Наоборот, в этом квинтэссенция русского национального самосознания, позволив-

шего нашему народу выжить в труднейших условиях, создать великую империю, чьи культура, наука, искусство поднялись на высочайший уровень.

Удивительно, но Лескова в Орле долго не увековечивали. Более того, родные его места были преданы забвению. Беспамятство и невежество стали монетой, которой расплачиваются потомки с художником. Мне довелось в конце 1980-х годов побывать в хрестоматийно известном кромском селе Добрынь, где у местной церкви когда-то были похоронены отец Лескова, другие близкие ему люди. Могильные камни ещё в 1930-е годы оказались приспособлены для каких-то фундаментов, могилы были варварски разрыты, и, по рассказам местных жителей, у заигравшейся детворы приходилось отнимать чей-то череп...

Да ведь и в Орле только совсем недавно (слава застойным 1970-м годам!) поставили достойный памятник, открыли музей. А дело, наверное, заключалось и не в том, что требовалось увековечивать Лескова. Он сам, угадывая или не угадывая будущее отношение орловцев к своей личности, увековечил старинный Орёл. Ведь главным героем того же рассказа «Несмертельный Голован» был вовсе не сам Голован, а город. Эта вещь написана в первую очередь для самих орловцев. Кому ещё нужны были бы эти подробности? Лесков просто преподнёс подарок... Если собрать воедино щедро рассеянные крупницы запечатлённой памяти, получилось бы подробнейшее, живое описание. Никто из писателей-орловцев не оставил в своих книгах столь много живых, неподражаемых воспоминаний о родном городе и родной губернии...